

Д.Л. Чавчанидзе

Фрагмент картины немецкой литературы

Аннотация: В статье рассматривается личность одной из выдающихся женщин рубежа XVIII–XIX вв. Каролины Шлегель-Шеллинг, во многом отражающая культурную и литературную жизнь Германии этого периода.

Ключевые слова: фрагмент, Каролина, иенские романтики

Abstract: The article discusses the role of Caroline Schlegel-Shelling, a most remarkable woman at the turn of the 19th century, whose image largely reflects the cultural and literary life in Germany at that time.

Key words: Caroline Schlegel-Shelling, Jena romanticists, 19th-century Germany

В статье «Фрагмент» (лат. *fragmenten* – обрывок, кусок) все солидные литературные справочники указывают на особое значение понятия у ранних немецких романтиков: как известно, в первом выпуске иенского журнала «Атенеум» были напечатаны фрагменты Новалиса и Фридриха Шлегеля. По замыслу авторов, неожиданное-краткое заявление – «обрывок» оригинальной мысли – должно было воздействовать на читателя сильнее, чем пространственный логически выстроенный текст. Фрагментарная форма, как бы исключая рационально-исходный пункт выдвигаемого умозаключения, наиболее четко передавала романтическую субъективность взгляда на мир и «произвольный» (от нем. *Willkür* – произвол) принцип творческого метода. Ф. Шлегель, основываясь на учении Фихте об автономии Я, видел во фрагменте способ выражения «абсолютной философии каждого индивидуума»¹; Шлейермахер находил в нем «свободу от оков буквы»² и сравнивал его с «лучинками», способными разжечь застоявшийся ум.

Реакция на выход «Атенеума» была бурная и разнородная, и фрагментарность публикаций явилась едва ли не главной причиной неудовольствия. Она могла казаться и простой игрой фразами; один из критиков, употребив именно слово *игра*, счел подобное допустимым только за столом, на диване, в постели. Однако Гете, в отличие от Шиллера, возмущенного суждениями романтиков, встретил столь непривычное явление снисходительно, даже благожелательно, и назвал фрагменты «Атенеума» змеиным укусом всем прочим журналам. Так же, как Гете, восприняла смелое новаторство иенцев Каролина, в то время жена А.В. Шлегеля.

¹ Из письма Каролине в 1797 г. Цит. по: *Begegnungen mit Caroline. Briefe von Caroline Schlegel-Schelling*. Leipzig, 1984. S. 204. Далее Ф. Шлегель цит. по этому изданию, страницы – в тексте.

² *Atheneum. Auswahl*. Leipzig, 1984. S. 60.

Известному литератору и общественному деятелю Л.В. Губеру, лично близкому к иенскому кружку, но разделявшему скорее позиции веймарского классицизма, она писала, защищая мужа от ожидаемых упреков: «Все ничтожное, пошлое, чуждое поэтическому (*“Unpoetisches”*) ему до смерти противно»¹.

Младший Шлегель, заметив у Каролины безусловные литературные способности, вначале намеревался привлечь ее к участию в «Атенеуме», но решил, что выбранная издателями для изложения своих взглядов форма не соответствует характеру ее мышления. По его мнению, оригинальность ее высказываний, их совершенно серьезная и притом несколько игривая (*«kokett»*) интонация предполагала иной жанр, где пестрое разнообразие составных частей органически соединяется в целое. Все, что писала Каролина, оказывалось «слишком чисто, красиво и нежно», чтобы быть разбитым на фрагменты, – из такого стоило составить «большую философскую рапсодию» (384).

Для художественного воспроизведения фихтеанской философии, принятой иенцами за идейное руководство, Ф. Шлегель признавал, помимо фрагмента, письмо, автобиографию и роман. Его предложение совместно написать роман Каролина решительно отклонила, однако вольно или невольно осуществила другое его пожелание – не забывать о своем таланте писать письма и рецензии.

Шесть рецензий вышло из-под пера уже Каролины Шеллинг – в последние годы ее жизни. Но еще раньше, в годы брака с А.В. Шлегелем, в ее личных письмах нередко выступал вполне профессиональный обзор того или иного произведения. Своей эстетической культурой она была обязана не только романтическому окружению. Дочь профессора Михаэлиса, члена Французской академии, который общался с Лессингом, Франклином, Александром Гумбольдтом, Гете, Каролина выросла в Геттингене, прославившемся особой интеллектуальной атмосферой, а в 1792 г. посетила Георга Форстера в Майнце, где он тогда провозгласил республику. Поэтому она была вполне способна не только усвоить сложное миропонимание романтиков, но и рассматривать его как бы со стороны, улавливая в нем то, что ускользало от его пропагандистов в свете их логики.

Спустя почти двадцать лет после смерти Каролины А.В. Шлегель счел нужным отметить в предисловии к своим «Критическим статьям», что кое-что из публикуемого принадлежит не ему, а «умнейшей женщине, которая, обладая таким талантом, могла бы блистать как писательница, однако ее честолюбие было сосредоточено на другом»². Он имел в виду помещенное им в книге почти полностью письмо о «Ромео и Джульетте», полученное от нее в 1797 г. в Веймаре, во время работы над переводом из Шекспира для журнала Шиллера «Оры».

Подход Каролины к одной из самых популярных шекспировских трагедий был весьма своеобразным. Она сосредоточила внимание не столько на главных героях, сколько на второстепенной фигуре монаха: «Не святой, а смиренный вдумчивый старик, дух безусловно благородный, едва ли не великий в своем удалении от жизненной суеты, и при этом явно привлекательный, даже, если можно так выразиться, шаловливый (*«pikant»*, курсив авт. – Д.Ч.), когда дело касается человеческих сердец» (198). По ее убеждению, монах, внушающий героине право на любовь как истинную добродетель, «заслуживает симпатии более, нежели кто-либо другой» (198).

Согласие с романтиками в понятиях и оценках не было у Каролины безоговорочным. Ее не удовлетворило, например, определение великого поэта во втором

¹ Begegnungen mit Caroline. S. 235. Далее Каролина цит. по этому изданию, страницы – в тексте.

² Цит. по: Begegnungen mit Caroline. S. 8.

выпуске «Атенеума» в рецензии Ф. Шлегеля «О “Мейстере” Гете»: «Не человек, а частью Бог, частью – мраморная статуя» (384). По поводу его же, Шлегеля, романа «Люцинда» она в письме Новалису поделилась размышлениями о степени оправданности субъективного элемента, – в романтической эстетике неоспоримого: «Конечно, впечатление не может быть верным, если тебе так близок автор. Я постоянно сопоставляю его (Ф. Шлегеля. – Д. Ч.) замкнутую натуру с неукротимостью его повествования и вижу, как с нее спадает жесткая кожа, – мне от этого становится просто страшно, и если бы я была его возлюбленной, то не хотела бы увидеть подобное в печати. Однако... есть вещи, которые нельзя осуждать, нельзя порицать, нельзя отбрасывать...» (217).

Более однозначно отозвалась Каролина о «Странствиях Франца Штернбальда» Тика. Отклики на него последовали противоречивые – со стороны иенской и веймарской. Ф. Шлегель с восхищением писал брату: «...божественная книга... первый роман со времен Сервантеса, который можно считать романтическим, и в этом отношении более мастерски выполненный» (385). В противоположность ему Гете, посылая книгу Тика Шиллеру, резюмировал: «Передо мной лежит превосходный “Штернбальд”, и невероятно, что таким пустым может быть мастерски сделанный сосуд»¹. Позднее поэт не раз выражал свое неприятие романтической трактовки искусства словом «*sternbaldisieren*». Намеченную рецензию на «Штернбальда» и на другое произведение, которое связывали с именем Тика, «Сердечные излияния отшельника, любителя искусств»², он хотел начать фразой: «Чересчур много утреннего солнца» (385).

Каролина повторила ставшее ей известным мнение Гете о «Штернбальде» при полном с ним единодушии. «Если это должен был быть роман о художнике, то в нем необходимо было сказать об искусстве многое другое; он (Тик. – Д. Ч.) ошибся в измерении художественного и придал ему фальшивую тенденцию» (211), – написала она Ф. Шлегелю и добавила: «...я даже сомневаюсь, не намеренно ли была выбрана им... такая фальшивая тенденция в понимании искусства, чтобы избежать той, что в “Вильгельме Мейстере”...» (212). Особая похвала Фридриха второй части романа вызвала у нее недоумение: «...та же неопределенность, все время надеешься найти что-то определенное, где-нибудь разглядеть Франца...» (212). И здесь Каролина опережала Гете с его приведенным выше выводом во второй, только задуманной им рецензии на Тика: «Снова множество красивых восходов солнца и весен, аккуратно сменяются день и ночь, появляются солнце, луна, звезды, поют птицы; все это весьма артистично, но пусто, и смена настроений и чувств Штернбальда показана тоже по мелочам» (212).

Не менее заслуживающими переложения в «рапсодию» Ф. Шлегель мог считать и непосредственно-жизненные высказывания Каролины; между тем они, сочетая четкую мысль со «свободой от оков буквы», часто выглядели фрагментами. Один из примеров – ее возражение в письме Новалису: «...небесное и земное в моей груди как бы обручены (“*vermählen*”). То, что Вы называете разрывом между тем и другим, есть единый сплав... Разве земное – не то же самое поистине небесное? Называйте его как хотите, но ведь достаточно того, что Вы счастливы» (216). В письмах Шеллингу в самом начале их отношений у нее выливался во фрагмент чисто интимный импульс: «Да, я совершаю преступление, когда отдаюсь любви, но ее оковы были и есть священны, свободное сознание не признает в любви половинчатости» (272).

¹ Там же. С. 385.

² Основным автором «Сердечных излияний отшельника», как считают, был Вакенродер.

Строки писем, отражающих реакцию Каролины на лица и события, которые ей приходилось наблюдать, оставляют впечатление фрагментов, ярко представляя активную внутреннюю жизнь женщины, размышляющей над всем происходящим предельно глубоко. В 1799 г. она писала четырнадцатилетней дочери: «Бонапарт в Париже. О, дитя мое, все опять идет хорошо. Русские изгнаны из Швейцарии, англичане в Голландии с позором капитулировали... Порадуйся и ты, иначе я буду думать, что у тебя на уме одно только баловство» (232). Иногда же ее письмо могло перерасти во фрагмент *романного сюжета* с центральным образом, как, например, короткое сообщение близкой подруге из Мюнхена: «Незадолго до Рождества мы встречались здесь с мадам де Сталь, со всем ее семейством и Шлегелем¹⁷. Это продолжалось восемь дней и оказалось для нас очень приятным. Шлегель выглядел здоровым и веселым, и в общении нашем не было никакой натянутости. С Шеллингом они были неразлучны. Душой общества была мадам де Сталь, как это ей свойственно... Она – феномен, сотворенный из жизненной энергии, эгоизма и необычайной подвижности ума. Объяснение ее внешности стоит и даже следует искать в ее внутреннем мире; в какие-то минуты, или даже, пожалуй, в какой-то одежде, она может выглядеть маркитанткой, но в то же время понимаешь, что она способна сделаться *Федрой* (курсив авт. – Д. Ч.) в самом трагическом смысле» (335).

Фрагментарных по форме зарисовок и заключений у Каролины можно найти немало – при том, что сохранилась лишь часть ее писем, некоторые в отрывках. Желание Ф. Шлегеля увидеть их соединенными в рапсодию не получило осуществления, а сама Каролина осталась среди ярких фигур, которыми был богат романтизм, неким фрагментом, вдруг открывающим нечто существенное, над чем следует задуматься. Без этого фрагмента была бы неполной картина раннеромантического этапа в Германии – того историко-культурного момента, когда независимость индивидуальных взглядов, вкусов и эстетических воззрений была возведена в закон. Именно в такого рода свободе и человеческого самоощущения, и творческого сознания молодые романтики усматривали подобие духовному источнику древней афинской демократии, почему и выбрали для своего программного документа название «Атенеум».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Begegnungen mit Caroline. Briefe von Caroline Schlegel-Schelling. Leipzig, 1984. 431 S.
Atheneum. Auswahl. Leipzig. 1984. 540 S.

Сведения об авторе:
Джюльетта Леоновна Чавчанидзе,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Julietta L. Chavchanidze,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
juchav@mail.ru

A Fragment of the Picture of German Literature

¹ А.В. Шлегель после развода с Каролиной несколько лет жил в швейцарском поместье мадам де Сталь Коппе в качестве учителя ее детей.